

В тумане скрылась милая Одесса

Май месяц 2007 года. По прошествии нескольких лет я снова в Одессе. Всего на несколько дней—как странно звучит такая фраза. Что нового в Одессе? Сторонний наблюдатель мало бы что заметил. На что я обратил внимание? Сначала по-крупному. На Соборке восстановили собор. Когда-то снесли, теперь выстроили. Как и в Москве храм «Христа-спасителя». Понятно. Исчезли названия улиц Ленина, Карла Маркса, Люксембург и других подозрительных личностей. Тоже понятно. Хотя здесь можно подсмотреть интересные детали. К примеру, переименование улицы Богатого (на Пересыпи) проведено в режиме крайней экономии. Все таблички с названием улицы висят на прежнем месте. Только сверху от руки дописано: «атамана», первые две буквы прежнего названия зачеркнуты и над ними внесено исправление: «Голо», а следующая буква «г» переделана на «в». Получилось: Атамана Головатого. Каково?! Нет, Одесса умерла еще не до конца! Остались еще искорки прежнего, нестандартного мышления. Кстати, кто такой атаман Головатый? Говорят, что в отличие от Богдана Хмельницкого, он был противником союза с Россией.

На той же Соборке памятник Воронцову остался, а табличку со знаменитой эпитафией А. С. Пушкина, действительно, убрали! Посадили на скамеечку в городском саду на Дерибасовской бронзового Л. Утесова. Теперь туристы, присаживаясь на эту скамеечку и по-свойски обнимая певца морской и одесской романтики, чувствуют себя уже наравне с ним. И что может теперь на это возразить сам Леонид Иосифович? Только терпеть объятия прохожих и фотографов.

Пропало древнее «пушкинское» дерево в этом же саду. Погибло или помогли?

Закрыли знаменитый гастроном на углу Дерибасовской и Преображенской. Теперь здесь казино и бар. То же самое и на месте не менее знаменитого когда-то ресторана «Театральный». Здесь можно было за пятерку получить приличный ужин с вином, а на веранде посидеть с кофе или мороженым. Очень демократично. Вместо кинотеатра Горького—бар. Закрыт «Золотой ключик»—все здание наконец-то поставили на консервацию с реконструкцией. «Гамбринус» работает. На Греческой площади соорудили стеклянную полувысотку (этажей шесть—восемь, на глаз). Появятся ли в Одессе высотки этажей под пятьдесят? Если бы меня спросили, я бы сказал: «Ребята, не надо! Катакомбы поломаете, а там, глядишь весь берег сползет. Главное, поломаете лицо города».

Общая тенденция: все, что нужно и интересно (по жизни), сократилось максимально—всякие там булочные, гастрономы, недорогие и уютные пирожковые, вареничные, винные погребки и т.п. Вместо

них—казино, бары, торговля драгоценностями. Я не поверил, так мне сказали, что даже «Оksamит Украины» пропал—закрыли. Часто мелькают вывески: «Золото». Это значит, что возвращаются «наши» из Израиля. Что еще? Сумасшедшая эклектика. Три языка вперемешку. Украинский порой очень забавный. Объявление на вокзале: «Сервісний центр. Зал очукування підвищеного комфорту. Працює целодобово». Как вам правится такой язык? И этим «целодобовым» языком хотят заменить исконный одесский—мягкий и музыкальный.

Прохожу мимо газетного киоска. Чей такой знакомый портрет смотрит с календаря? Ба! Так похож на московского шоумена Леню Якубовича! Он что—тоже наш земляк? Присмотрелся и ахнул. Ну, копия Леня Якубович, а подписано: Тарас Шевченко. Когда я учился в школе, Тараса Шевченко подавали как певца угнетенного украинского народа, и все его портреты того времени отражали это угнетение. Глаза его выражали боль уставшего на барщине селянина и его тоску по воле. Теперь, когда происходит очередная перепись истории, трансформировали и образ национального украинского поэта. Его портрет теперь представляет молодежавого и бодрого человека с веселым и лукавым взглядом лучистых голубых глаз. Ну, вылитый Леня Якубович.

На Дерибасовской непривычно мало народу и неудобно. Зато в городе столь же непривычно много машин и особенно дорогих иномарок. Автомобильные пробки становятся привычными. Как и у нас, дороги не модернизируют и плохо ремонтируют. Спрашиваю, при случае: «За счет чего начала расцветать Одесса?». Почти от всех получаю ответ, состоящий из трех тезисов: «Много денег крутится на седьмом километре (торговый полуоптовый рынок). Заработал порт. Далеко не вся Одесса процветает».

Что не изменилось? По-прежнему в центре города роют глубокие ямы. Чинят. Может, водопровод, может, канализацию. Так было всегда, так будет—это святое.

Одесса сильно меняется. Уходят неповторимый уют и уникальная самобытность. Уже одну шестую свою часть Одесса потеряла. Название города теперь пишется «Одеса». Когда я набрал слово «Одеса», компьютер тут же меня поправил—такое написание города даже в памяти компьютера отсутствует. Что-то изменилось в поведении людей, теперь населяющих город. Режет слух непривычный тембр речи. Где та сочность и оригинальность выражений? Где музыкальность? Общее впечатление от города—в его прежнем живом организме словно перетянули одну из главных артерий.

Май 2007 года